

1157
А. В. ПРИБЫЛЕВ

МОЛОДЕЖЬ КОНЦА СЕМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

ИЗД-ВО ПОЛИТКАТОРЖАН МОСКВА

ДЕНЕВАЯ БИБЛИОТЕКА „КАТОРГА и ССЫЛКА“
Ж У Р Н А Л А

А. В. ПРИБЫЛЕВ

МОЛОДЕЖЬ НА РУБЕЖЕ
СЕМИДЕСЯТЫХ И ВОСЬМИДЕ-
СЯТЫХ ГОДОВ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва — 1928

Главлит № А-25139
Т и р а ж 7.000 экз.

Заказ № 2259

МОЛОДЕЖЬ НА РУБЕЖЕ СЕМИДЕСЯТЫХ И ВОСЬ- МИДЕСЯТЫХ ГОДОВ.

Повесть о моем происхождении и воспитании в самых кратких словах была бы такова. Я родился в 1857 г. в маленьком городке Зауралья, который не насчитывал в то время больше 2.000 жителей, и почти треть которого были цыгане. Отец мой занимал в нем высокий пост единственного в городе протоиерея; отсюда и мое прозвище в детстве у городских ребятишек: «Саша протопопский». Мой дед — отец моего отца — старый заштатный священник, довольно-таки малограмотный, вот и вся известная мне генеалогия моей семьи.

По совести говоря, я не мог бы поручиться, что в числе моих предков не было кого-либо от персонажей Решетникова (Пилы и Сысойки)...

Но все это маловажно и отстраняет меня от моей главной темы. Поэтому постараюсь быть очень кратким.

Умолчу о детских и отроческих впечатлениях, о том, что сделало меня таковым, каков я есмь. Все это было так обыкновенно, лишено чего-либо выдающегося, замечательного, что не требует пояснения. Скажу только, что, вопреки родным и отчасти начальническим настояниям, отец нашел нужным исключить меня из духовного звания и отдал учиться не в духовное училище, а в гимназию соседнего города.

В гимназии жизнь протекала мирно до 4 класса, когда поднялась целая история из-за увольнения любимого учителя, оклеветанного законоучителем в том, что он развращает свой класс. Его класс поднял знамя восстания, потребовал возвращения учителя, а когда это не удалось, сам поголовно решил выйти из гимназии и демонстративно, *in corpore*, сняв гимназическую форму, явился в класс в партикулярном платье с прошениями в руках.

Бунт, возмущение! К тому же проявилось в гимназии и обществе недовольство первыми шагами введения классической системы; появились на столбах и заборах «возмутительные» прокламации, возбуждающие умы гимназистов стихотворения*, ядовитые басни и карикатуры на начальство и особенно на священника; наехал попечитель со своим штабом, откуда-то появились жандармы, с которыми впервые пришлось познакомиться и мне.

В результате — разгром гимназии, ссылка любимого учителя и кое-кого еще... и я очутился в новой, губернской гимназии...

Здесь я скоро сошелся с семинаристами, стал почитывать «Хитрую механику» «Сказку о четырех братьях» и др. нелегальные брошюры, а самое главное, нашел единомышленников друзей и с ними вместе стал воспринимать сильнейшие впечатления от знакомства с начавшимся революционным движением, по подробным отчетам о политических процессах, начиная с про-

* Вот некоторые образчики из них:

„Священник должен быть примером
Любви, смиренья простоты;
Не должен быть таким, как ты...“

Или после разгрома гимназии:

„Окончен суд неправый, строгий
Суровый приговор прочтен:
Протест наш признан стачкой, бунтом,
Поступок честный осужден...“

и т. д.

цесса Начаева. Вот люди! — восхищались мы; они чувствуют себя правыми и сильными, и ничто не может сбить их с раз намеченной ими себе дороги! Не страшась последствий, они открыто и прямо исповедуют свою веру, критикуют, с грязью смешивают современный государственный порядок и яркими красками обрисовывают будущее государственное устройство, где все будут равны, не будет богатых и бедных, и наступят полная свобода, равенство и братство! К этому идеалу потянулись все наши помыслы, и мы с энергией и энтузиазмом кинулись на чтение всего, что хоть скольконибудь могло обогатить нас знаниями в области социальных наук...

Мои новые товарищи были если не умнее, то во всяком случае много образованнее нас, гимназистов. Было ли это результатом их более отвлеченной науки — логика, философия и пр. — от чего мы были так далеки, или их бурсацкая жизнь заставляла их больше работать над саморазвитием, — решить трудно. Знаю только, что на первых порах моего знакомства с ними, а именно с Александром Федоровым, с Адриановским — Ното и другими, я много проигрывал в собственных глазах, оказывался мало осведомленным сравнительно с ними в тех животрепещущих вопросах, какие неизбежно становились перед нами. Но это миновало, и я скоро почувствовал себя в их среде, как рыба в воде.

А споров бывало много, и особенно под конец нашего пребывания в наших учебных заведениях. Были и разногласия, что объяснялось различием характеров и темпераментов. Начиная с критики существующего порядка, в чем наши мнения почти не расходились, мы переходили к оценке революционной деятельности, к определению конечной цели освободительного движения и пр. Здесь начинал сказываться темперамент каждого, и выявлялись индивидуальные склонности. Строгий и суровый на вид Ното, серьезно начитанный и не могущий скрыть своего добродушия, доходящего подчас

до самозабвения, начинал критиковать идеи чистого народничества и тактику хождения в народ. Он был сторонником крайних мер, и если не было до сих пор изыскано иных, более сильных и верных путей к революции, он склонялся к науке и научными исследованиями пытался разрешить все назревшие вопросы. Наоборот, Залотавин, более других подвинувшийся в развитии и самосознании, чистый лаврист, уже сейчас жаждал «итти в народ» с целями просвещения и пропаганды и считал этот народ уже чуть не готовым социалистом.

Я же и Федоров — юноша несколько болезненный, но очень разумный, развитой и горячий энтузиаст — мы, не довольствуясь опытами деревенщиков, искали новых путей и, не видя их, измышляли средства для победы и над самодержавием и одновременно — над нашей всероссийской косностью и все терпением.

— Революция может быть только народной, — говорил Залотавин, — в противном случае она никогда не будет социальной.

— Да ведь история не дает нам примеров, где бы она совершалась народом, — возражали мы с Федоровым; — участие народа, конечно, необходимо в революции, но все же нужны вожаки, нужен центр, герои, а еще больше нужна деморализация власти, нужно, чтобы она растерялась и выпустила из рук вожжи...

— Надо бросить иллюзии, — вмешивается Ното, — и оперировать фактами. Все бывшие процессы говорят ясно, что ни тактика Нечаева, ни тактика Долгушина и др. не приведут к желательным целям. Нужно или что-то новое, сильное и яркое, чтобы оно встряхнуло всю нашу косность и неповоротливость, или итти к той же цели медленным путем научного прогресса.

Но никто из нас не соглашался с последней идеей Ното; мы не могли, конечно, указать какой-либо новый путь для революции, мы только жаждали ее всеми силами души и готовились со временем стать в ее ряды.

Мы были еще сырым материалом, но материалом пригодным для дела, как глина, заготовленная скульптором, из которой современем может вылиться какая-нибудь ценная форма... Мы учились, читали политическую экономию, изучали Французскую Революцию, кое-что знали из социалистов-утопистов, знакомились и с русским освободительным движением, даже знали Маркса, если не по подлиннику, то в изложениях Иванюкова и др., — много спорили на эти темы и все-таки были только подходящим, но еще не вполне оформившимся материалом. Нужно было еще год—два занятий, споров и вдумчивой работы над самими собою, чтобы признать свое мирозерцание сложившимся. Пока же мы воспитывали в себе определенное настроение, близкое к тому, какое охватывало тогда всю прогрессивную и отчасти уже протестующую молодежь.

В таком настроении быстро прошли гимназические годы. Закваска была получена, и с ней мы вышли в студенческую среду.

Период, пережитый русской революционной молодежью в конце семидесятых годов, следовало бы охарактеризовать какому-нибудь сильному, талантливому перу. И если я сейчас беру его темой настоящей заметки, то единственно потому, что для меня является большим вопросом: есть ли еще кто-либо в живых из тех, кто пережил этот период так, как это пришлось пережить мне.

Но сперва несколько слов о предшествовавшем периоде.

История последних десятилетий русской жизни для лучшей части молодежи имела огромное воспитательное значение. Уроки пятидесятых и шестидесятых годов ей не были чужды, она знакомилась с ходом борьбы прогрессивных элементов с деспотическим строем и видела победу последнего над первым. Ее отцы и старшие братья изнывали в этой борьбе, гибли под ярмом все больше и больше нарастающей реакции, и взятая

ими на себя задача освобождения народа от ига деспотизма все больше и больше отступала на задний план. Когда наступили семидесятые годы, наиболее отзывчивая часть русской молодежи, постепенно настраиваясь альтруистически, критиковала современные порядки и воспитывала в себе дух протеста. Ее устремления складывались под влиянием, с одной стороны, примеров Западной Европы и проникающего оттуда духа социализма и, с другой—под влиянием русской передовой литературы, еще с шестидесятых годов высоко державшей свое знамя. И вот, сперва только протестующая против несовершенства нашего государственного строя, против тяжелой неправды его в отношении народа, эта молодежь постепенно становилась радикальнее, революционизировалась, пока не стала революционно-социалистической. Не без влияния, и очень значительного, на эту лучшую молодежь были и живые примеры гибнущих братьев. Ей были памятны погибшие учителя жизни—Чернышевский, Михайлов и многие другие. Слыша об них, зачитываясь ими, они чувствовали, как буря негодования закипала в их сердцах и поднимала жажду самоотречения, самопожертвования. И постепенно эта молодежь взяла на свои плечи тяжелое бремя, упавшее с плеч ее отцов и старших братьев, и готова была отдать себя в жертву ради просвещения, а затем и освобождения народа.

«Такого в мире нет угла, где б молодежь,
Все блага жизни презирая,
Так честно, как у нас, так свято отдала
Себя служенью правде строгой...
Жизнь, чуть ли не детьми, нас прямо повела
Тернистой подвигов дорогой...»

Таково было настроение русской молодежи, когда наступили 1873—1874 годы с их небывалым в истории других стран и народов «безумством», известным под именем «хождения в народ». Об этом периоде русского освободительного движения и о возникавших при этом кружках («чайковцы», «кавказцы» и «Земля и Воля»)

писалось очень много и повторять это здесь нет надобности. Но необходимо отметить ту преемственность, какая существовала между началом семидесятых годов, их концом и началом восьмидесятых годов.

К концу семидесятых годов вся молодая Россия бродила. Период «хождения в народ» бросил многие сотни молодых людей в казематы крепости на целые четыре года. Наступили вспышки сильных, пока единичных протестов. Соловьев стрелял в царя, Вера Засулич — в Трепова за его издевательства над осужденным Боголюбовым, там убили генерал-губернатора, здесь — шефа жандармов. Появились вооруженные сопротивления при полицейских арестах, а ответом на них — казни. Процесс за процессом следовали непрерывно, и 1879 год был особенно богат такими событиями.

Петербург, в который к тому времени перебрался и я кое с кем из моих друзей, представлял собою шумящий людской улей, жизнь в нем шла как на вулкане молодежь бродила, захваченная революционным энтузиазмом и жадной приложить к делу свои руки. Эта молодежь была полна идеализма и не была лишена некоторой доли здорового романтизма, без чего жизнь была бы тускла, малокрасочна... Не вся, конечно, поголовно студенческая молодежь была охвачена такой идеей борьбы с устарелыми устоями жизни; были среди нее и кружки с иного рода интересами: иные увлекались театрами, других захватила полная обязательщина и пр., но как-то они тонули в массе ищущих новой жизни и неведомых путей к ней и какого-то неясного участия в жизни массы народной... А быть может, и наоборот, — мы количественно тонули в среде этой обывательщины, не замечая того. Ведь, мы были охвачены собственными устремлениями, и интересы других, не сходные с нашими, нам были чужды настолько, что мы не видели, не замечали их.

Молодые из нас создавали кружки самообразования, спорили, горячились, решали трудные политические

вопросы, росли, мужали и готовились к деятельности.

Одни усиленно занимались, много читали, чаще всего по определенным, готовым к тому времени программам, другие готовились «опроститься», быть готовыми к вступлению в народную гущу, и для этого изучали разнообразные ремесла, чаще всего сапожное.

Те, кто были постарше, частью уже испытавшие на себе влияние предыдущих лет,—«хождения в народ»,—руководили более молодыми, направляли их по своему усмотрению. Отсюда новые споры, беседы на живо-трепещущие темы, решения трудно разрешимых вопросов. А революционная литература — сперва «Земли и Воли», потом «Нар. Воли» — подогривала и без того пылающий энтузиазм молодежи; литература легальная, часто с ее эзоповским языком, и лучшие популярные ее представители помогали тому же, и не мало. Если бы посмотреть тогда на все это издали, казалось бы, кипит народ, проснулся от царившего гнета, расправляет свои скованные члены, и недалеко до полного краха царящему произволу...

При этом такая обстановка жизни не мешала течению научной деятельности в университетах и других высших школах. Но об этом я скажу несколько позднее.

Первыми шагами нашей общественной деятельности были, конечно, частые демонстрации, называвшиеся студенческими только потому, что идеи их всегда возникали в студенческой среде. Ведь, эта среда была всегда наиболее отзывчивой на каждое ненормальное явление жизни, где бы оно ни проявлялось, и особенно в стенах их собственных учебных заведений. Молодежь всегда живо отзывалась на эти идеи и, разумеется, всегда составляла большинство участинков таких демонстраций. Уже в момент нашего приезда в Петербург, почти в этот самый день, толпы молодежи собрались перед окружным судом на углу Литейного проспекта и Шпалерной улицы. Шел суд над Верой Засу-

лич, своим выстрелом в генерала Трепова показавшей, как надо ставить вопросы, чтобы обратить внимание широкого общества на проявления грубого, безответственного произвола со стороны власть имущих. Дело кончилось оправданием В. Засулич. Устами окружного суда и, в частности, его председателя*, общество выразило порицание не ей, а генералу Трепову, и тем самым осудило и реакционное правительство. Но дело этим не кончилось. Молодежь, и особенно присутствовавшие при этом радикальные элементы ее, чутьем понимала, что со стороны главарей III отделения будет сделана попытка захватить неожиданно дня них оправданную преступницу. И действительно, произошла небольшая схватка, и В. Засулич была спасена. Но дело не обошлось без жертвы. Неожиданным и неизвестно откуда последовавшим выстрелом была сражена одна молодая жизнь, — был убит юноша Сидорацкий, участвовавший в похищении Засулич. Кое-кто из моих приятелей был в этой стычке, но никто не мог указать, откуда последовал выстрел, сгубивший Сидорацкого.

Не прошло и нескольких дней, как было объявлено новое выступление молодежи: предполагалась торжественная панихида по Сидорацкому, и местом сборища был указан Владимирский собор. Демонстрация прошла гладко, при выходе из церкви речей никто не произнес, понимая, что этим могло быть вызвано новое побоище, как было в 1876 году у Казанского собора. Предположение это имело основания: мне самому, случайно забежавшему в один из ближайших дворов, удалось заметить целое войско конных и пеших жандармов, ожидающих только первого слова команды, чтобы расцвирять всю собравшуюся толпу молодежи.

Медико-хирургическая академия, одно из самых свободных высших учебных заведений того времени, притида большинство из нас. В ней жизнь была ключем,

* Недавно скончавшегося А. Ф. Кони.

студенчество было полно энтузиазма; оно следило за чистотой нравов в своей собственной среде, и были нередки случаи, когда студент исключался из академии за какой-либо антиморальный поступок постановлением сходки всего студенчества.

А наша библиотека была так автономна, что даже начальствующие лица не имели в нее доступа. Недавно Петр Поливанов, бывший тогда студентом первого курса, указал на дверь начальнику академии Быкову, случайно забредшему в библиотеку, куда «вход посто­ронним воспрещен».

А в конце 1878 г. — как отзвук на борьбу южного студенчества¹ за свои прерогативы и ради поддержки его — академия поднялась на серьезную демонстрацию, требуя полной автономии своей *alma mater* и широких студенческих вольностей. Огромная толпа студентов, отстранив пристава и перебравшись через разводящийся Воскресенский мост, понесла петицию к на­следнику.

Не надо этому удивляться: ведь всякий наследник престола считался у нас сравнительно либеральным, пока он не делался царем...

Но наследник, будущий Александр III, обманул наши надежды, не удостоив показаться нам, и нашу пети­цию, с обязательством предоставить ее наследнику и дать нам ответ его, мы вручили градоначальнику Зу­рову.

А на другой день произошло невероятное событие: Зуров приехал в академию и шашками и нагайками конной полиции и казаков загнал в угол собравшуюся толпу студентов, которые в большинстве вовсе не были вчерашними демонстрантами. Нас арестовали, порядком поколотили и отвели в казармы Московского полка, где арестованные и просидели $1\frac{1}{2}$ —2 недели.

Поняло ли общество нашу демонстрацию — осталось неизвестным, но сочувствием, сидя на соломе в Москов­ских казармах, мы пользовались несомненно. Нас за-

брасывали добродетельными приношениями в обилии и не только из карманов товарищей-студентов, но нередко были случаи, когда такое сочувствие проявляли и лица высокопоставленные или петербургская аристократия

За демонстрациями пошли сходки, и мы, уже достаточно освоившиеся в студенческой среде, живо отзвывались на каждый вопрос социально-политического, бытового или морального характера. Все это объединяло молодежь обоего пола, иногда вызывало разногласия, делило на партии, но тем больше возбуждало к самодеятельности, к спорам, в которых вырабатывалось сознательное отношение к жизни, и выковывались характеры и убеждения.

Обильная революционная литература, всегда нас интересовавшая и привлекавшая к себе, в это время делила нас уже на два лагеря. 1879 год, бурный своими революционными выступлениями на юге России и на севере, был также моментом распада «Земли и Воли» на две фракции. Различные темпераменты и характеры, в связи с выработанными уже к тому времени основными взглядами, размежевывали нашу среду на приверженцев «Черного Передела» и «Народной Воли». Героические выступления последней в конце 1879 года и ее талантливая литература в связи с программой, наиболее отвечающей пылкой, ни с чем не мирящейся юности, привлекали к себе большинство революционно настроенной молодежи. Многочисленные выступления ораторов «Исполнительного Комитета» в ее среде, обычно в незатейливой обстановке небольшой студенческой квартиры, сверху донизу набитой публикой, возбуждали не только интерес к революционному движению, но и вдохновляли многих на более решительные шаги.

Желябов пользовался особым, выдающимся успехом на таких беседах. Его горячая речь, полная ума, логики и убежденности, оставляла после себя незабываемое впечатление; его удачные выражения долго по-

вторялись слушателями. Все это вместе взятое не только возбуждало интерес в молодой публике, но и толкало ее на определенную дорогу, заставляло каждого переоценивать себя, давать себе отчет, на что и в какой мере он способен. Одни, не успевшие еще выработать в себе окончательного мирозозерцания, должны были решить вопрос, должны ли они, могут ли уйти в узкую обывательщину или способны на самоотречение и могут подкрепить собою силы действующей партии. Другие, уже с готовыми убеждениями, с готовым планом своей революционной работы, только жаждали приложения своих сил и готовились к делу. Но и те и другие, прислушивались к голосам своих новых учителей, искали случая с ними повстречаться, еще их послушать, поговорить с ними, чтоб яснее и яснее сознать себя не только критически мыслящими, но и продуктивно действующими лицами.

Но и помимо этих встреч и этих собеседований, где бы ни сталкивалась молодежь друг с другом, на частных квартирах за стаканом чая, в кухмистерских за обедом, в аудиториях или на пирушках, повсюду среди нее поднимались одни и те же вопросы, вопросы о жизни, о ее целях и обязанностях, возлагаемых на каждого, об ответственности, лежащей на каждом в виду тяжелых условий современной политической жизни общества и народа, и особенно о двух революционных направлениях, взявших на себя тяжелое решение самых насущных вопросов, и особенно борьбы с самодержавием.

Между тем начиналась помаленьку и революционная деятельность. Пока это были первые, несмелые шаги, у многих, впрочем, ставшие и последними. Революционную литературу надо было и можно было читать, но ее же надо было и распространять. И это дело молодежь брала на себя охотно. Денежные сборы по особым листам или иным способом в пользу партий—было вторым делом ее; сюда же необходимо прибавить

устройство вечеринок, конечно, платных, с той же целью, где рядом с вином и пивом, с народными и революционными песнями шли также дебаты на политические темы, где сталкивались и оттачивались различные взгляды и убеждения. Все это иногда не обходилось и без жертв; то арестуют кого-либо с литературой, и создается дело о пропаганде с целью ниспровержения существующего строя, то захватят вечеринку и всех участников ее разошлют по северным губерниям и т. д. Но все это не только не утешало и не успокаивало волнуемое море возбужденной молодежи, а, скорее, как бы подливая масло в огонь, еще больше возбуждало умы и толкало их на революционную дорогу.

Деятельность и значение «Черного Передела» постепенно замирали, и параллельно росло влияние «Народной Воли». Мы, чем могли, старались помочь партии, предоставляя себя в распоряжение членов «Исп. К-та», которые все больше и больше, при редких встречах, производили на нас обаятельное впечатление. Наши квартиры были предоставлены для необходимых свиданий, для укрывательства нелегальных лиц, которых становилось больше и больше, для хранения литературы и ее сортировки.

А развертывающаяся деятельность партии, первый процесс ее членов в 1880 году, сопровождавшийся казнями, вооруженное сопротивление, оказанное при аресте типографии в Саперном переулке, и пр., как бы подхлестывали молодежь, торопили ее в деле выбора каждым его дальнейшего жизненного пути. Многие почти официально вступали в ряды партии, многие подготавливались к тому же, а пока не находили еще точек приложения своих сил. Организовались центральный и другие кружки неродовольцев в университете, в медико-хирургической академии; кружки пропагандистов в рабочей среде уже энергично действовали в различных рабочих районах города.

Понемногу стали проникать в общество сведения о небывалых, героических выступлениях партии. Прежде всего нельзя было скрыть чрезвычайного факта — взрыва царского поезда под Москвой. За ним последовали новые и новые сведения: о показаниях Гольденберга, о подготовке покушений под Александровском, под Одессой, какие-то слухи о самом Зимнем дворце и пр. и пр.

Слухи, один неправдоподобнее другого, циркулировали в обществе и создавали «Исполнительному Комитету» репутацию неуловимого и всемогущего. С восторгом передавали друг другу, напр., что литература «Нар. Воли» массами развозится повсеместно самими царскими поездами, что под крылом митрополита в Александро-Невской лавре сохраняются наиболее видные документы «Исполнительного Комитета», что все тайны охранной полиции всегда известны партии, и во многих случаях она может руководить ее деятельностью, направляя ее энергию по ложному пути, и т. д. Все это увеличивало значение партии в глазах молодежи, и не только революционной; само общество, в лице своих передовых членов, в этой борьбе революционеров с правительством, если не открыто, то все же довольно явно становилось в своем сочувствии на сторону первых.

Однако же учащаяся молодежь, как бы она ни была революционна, не покидала без крайней нужды университетов. Наука в них, быть может, с несколько ослабленной энергией, подвигалась вперед. Все мелкие революционные дела не мешали слушать лекции, посещать клиники, лаборатории и пр., а эти учреждения, включая сюда и аудитории профессоров, не мешали вести беседы на обычные политические темы, узнавать друг у друга новости, обмениваться впечатлениями, получать новую литературу. Эти высшие школы, кроме того, бывали иногда ареной и политических выступлений. Они переживали бурные времена, здесь нередко происходили

политические сходки, произносились пламенные речи и отсюда часто начинались общестуденческие демонстрации, как, напр., большая демонстрация с петицией к наследнику престола, о чем сказано выше.

Между тем репрессии, обыски, гонения на студентов во всех университетских городах дошли до апогея и всегда находили отклик в среде петербургской молодежи. Она волновалась, требовала новых и новых выступлений, а это опять влекло за собой новые репрессии.

Таково было положение дел к 1881 году в высших учебных заведениях, в среде студенчества, но не лучше оно было и в обществе, где усиленные полицейские репрессии сердили и волновали его представителей и понуждали их становиться на сторону не только студенческой молодежи, но и революционеров. Таким образом одна среда поддерживала, подкрепляла другую, и последующие успехи революции в некоторой доле должны быть отнесены и на счет сочувствующего общества.

При этих условиях партия и не думала отступать; напротив, побуждаемая видимым успехом, она с большей и большей энергией напрягала свои силы; значительная часть молодежи шла за ней. Общественно-политическая атмосфера сгущалась, наэлектризовывалась больше и больше; чувствовалось, что назревает крупное событие, способное повлечь за собой серьезные последствия.

Так наступило 1 марта 1881 г.

Нужно ли говорить, какое впечатление произвело это событие на революционную молодежь? Постепенно она узнавала, что на скамье цареубийц будут сидеть многим и многим из них знакомые лица.

Характеры, таланты, влияние этих лиц были ей хорошо известны; она не сомневалась, что на предстоящем процессе, в котором неминуемы смертные казни, будут выявлены все основания действующей героиче-

ской партии, и обаяние погибающих деятелей росло с каждой минутой, с каждым новым открывающимся в следствии фактом.

Не менее сильное впечатление произвело это событие и на общество, наиболее интеллигентная часть которого стояла на стороне революции.

Когда же 3 апреля на эшафот мужественно взошли четыре человека, обвеянные симпатиями молодежи и общества, нельзя было не удивляться той силе революционизирующего значения, какого эти факты достигли к этому времени. И можно было бы подвергнуть сомнению, который же из этих фактов — 1 марта или 3 апреля — подействовал сильнее на революционную молодежь и общество*.

Здесь я считаю себя в праве поставить точку. Но в виде общей характеристики революционной молодежи того времени (конца 70-х и начала 80-х гг.) мне хотелось бы подразделить ее на несколько категорий. К первой я отнес бы людей, всецело отдавшихся революционной народовольческой деятельности, революционеров в прямом смысле этого слова, в большинстве перешедших на нелегальное положение или близких к тому, уже работавших и состоящих на работе или ожидающих таковой, оставивших всякое попечение о науке и другой карьере для себя.

Вторую категорию составили бы люди, вполне революционно настроенные, при первом же призыве го-

* Не надо забывать, что здесь впервые с давних времен была казнена женщина, и, напр., вот что говорил много позднее один из очевидцев казни 3 апреля 81 г.: „Думаю, что не очень погрешу, если скажу, что эта расправа, потрясшая мои нервы до галлюцинаций, хотя и стоила мне дорого в смысле здоровья на долгие годы, но зато она дала мне великое счастье пробуждения, она натолкнула мою мысль на революционную стезю, научила глубоко ненавидеть и сделала меня революционером, до сих пор глубоко уважающим память и заветы „Народной Воли“.

(А. Брейтфус. Былое, 1924 г., № 25, стр. 1.)

товые броситься в революцию, как солдат при звуке рожка бросается к ружью, но признающих, что во всеоружии законченного образования и знаний они были бы много полезнее для революции, чем люди, не закончившие своего образования. К ним я мог бы причислить кое-кого из своих товарищей, упустивших время, успевших покончить с образованием, когда деятельность уже пошла на уклон, а они остались за бортом революции.

Наконец, третью категорию молодежи можно было бы назвать потенциальными революционерами, еще не вполне сознавшими свои силы и свое настроение или не покончившими еще с бродящими в их головах старыми идеями «Черного Передела» или, наконец, еще слишком молодых. Они выступили несколько позднее.

И если бы меня спросили, какое бы место я отвел для себя при таком распределении молодежи того времени, я бы сказал, что мы с женой чувствовали себя стоящими на рубеже двух первых категорий: революционного устремления и решимости у нас было много, образование наполовину уже пришло к концу, и представители Исп. К-та, имевшие со мной дело, считали и то и другое вполне достаточными. Таким образом, не больше чем через год после описанного, т. е. в 1882 г., и для меня прозвучал призывный сигнал, пришло и мое время*.

* Все, происшедшее в дальнейшем, т. е. мое ближайшее участие в предприятиях партии, изложено в моей брошюре: „В динамитной мастерской“, вышедшей в свет в 1924 году.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

- 1) Правление и склад Издательства Политкаторжан Москва, 34, Лопухинский пер., 5; тел. 3-64-73.
- 2) Магазины Издательства Политкаторжан „МАЯК“— Мосива-Центр, Петровка, 7, тел. 4-18-12 и 3-63-20.